

УЧАСТНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ ГРАТИНСКИЙ

Фигура Михаила Андреевича Гратинского - яркая, героическая - привлекала и привлекает внимание многих историков и войны 1812 года, и исследователей истории русской православной церкви. В литературе существует устоявшееся мнение, что М. Гратинский находился во французском плену. Однако обстоятельства его жизни не позволяют с этим согласиться. Нередко также складывается впечатление, что он был чуть ли не единственный, кто проводил в занятой французами Москве службу.

Обращаясь к биографии М. Гратинского, хотелось бы прояснить спорные вопросы на основе ряда документов, таких как послужной список М. Гратинского, хранящийся в РГВИА¹, наградные документы, его рапорт обер-священнику армии и флота И.С. Державину от 5 декабря 1812 г., опубликованный в «Русском архиве»², а также мемуары тех людей, которые находились в захваченной французами Москве³.

Итак, М. Гратинский родился в 1770 г.⁴, происходил из духовного сословия (отец его был протоиереем), воспитывался в Александро-Невской семинарии, где слушал риторику, философию, физику, богословие на латинском языке. Изучал также историю, географию и математику⁵. По окончании богословского курса поступил 26 июня¹ 1791 г. в Санкт-Петербургский Петропавловский собор диаконом. 3 апреля 1793 г. переведен на такую же должность в Морской Богоявленский собор. 3 февраля 1797 г. рукоположен в сан священника в лейб-гвардии Преображенский полк и направлен на службу в церковь Преображения Господня при батальоне Его Величества, а 23 декабря 1800 г. по высочайшему повелению перемещен в Кавалергардский полк. 4 мая 1804 г. был возведен в сан протоиерея, а в 1806 г. ему был пожалован наперсный крест⁶. В этом же году отец Гратинский участвовал с полком в антинаполеоновской кампании в Австрии и находился в сражении при Аустерлице; 25 марта 1807 г. отправился с полком в Пруссию; 12 февраля 1807 г. ему была всемиловейше пожалована камилавка.

В 1812 г. полк был направлен в Вильно, затем отступал в глубь России. 26 августа 1812 г. М. Гратинский принял участие в Бородинском сражении⁷. Сохранился рапорт обер-священника 1-й Западной армии протоиерея Торопогрицкого военному министру, главнокомандующему 1-й Западной армией генералу от инфантерии М.Б. Барклаю де Толли, в котором Торопогрицкий ходатайствует о награждении М. Гратинского орденом Св. Анны 2-й степени за Бородинское сражение. В частности, он писал: «Отдавая должную справедливость усердной службе, трудам деятельности и примерному поведению вверенного мне гвардейского и армейского духовенства, которые во все продолжение нынешнего похода и военного действия находились безотлучно при полках, отправляя богослужение со благоговением, и на поле чести раненым подавали немалую помощь причащением Святых Даров и духовными наставлениями, убитых погребали неупустительно, а во время августа 26 дня под Можайском сражения лейб-гвардии Кавалергардского полка протоиерей Михаил Гратинский, Литовского - священник Василий Адрианов, Семеновского - священник Симеон Наумов, Гусарского - священник Иоанн Торопогрицкий, при начатии военного действия во много под самыми ядрами отправляли с коленопреклонением о успехе победы пред иконою Смоленския Божией Матери усердное молебствие... Почему прошу Ваше высокопревосходительство таковым отличным священникам по приложенному при сем списку исходатайствовать у Всемиловейшего монарха нашего назначения знаки отличия и тем поощрять еще более к усердной их службе и в пример прочим»⁸.

29 августа, как отмечал сам М. Гратинский в рапорте И.С. Державину, он отправился в Москву «для исправления починкою церковных вещей» и «остался в Москве у неприятеля в плену»⁹. В формулярном списке также записано, что 2 сентября М. Гратинский «взят был в плен, где претерпел жестокости от неприятеля»¹⁰. К своему полку Гратинский вернулся только 3 марта 1813 г.¹¹

Возникает целый ряд вопросов: каким образом Гратинский попал в плен, где содержался, почему его не отправили вместе с другими военнопленными из Москвы во Францию, как освободился из плена? Ответы на эти вопросы мы попытались найти, сравнив рапорт самого Гратинского с комплексом мемуаров жителей Москвы, которые в силу разных обстоятельств остались в захваченном врагом городе.

Это воспоминания Г.Н. Кольчугина, А. Д. Бестужева-Рюмина, шевалье Ф. д'Изарна, И. Кичеева, А. Рязанцева. А также с воспоминаниями военнопленного В.В. Перовского и А.С. Норова, который, будучи раненым, был вынужден остаться в Москве.

¹ Даты даются по старому стилю, в отдельных случаях (в скобках) - по новому.

Итак, 2 сентября 1812 г., когда в разных частях Москвы начались пожары, местные жители были выгнаны огнем из своих домов, пожар перегонял их с места на место. Они проводили дни и ночи, скрываясь по кладбищам и сараям, подвергаясь грабежу и нападениям, рискуя ежеминутно, что их заберут французы и заставят в лучшем случае носить на себе награбленную поклажу. Михаил Гратинский вместе с коллежским регистратором Соколовым также вынуждены были спастись от огня и грабежей, переходя из одного дома в другой. Сначала искали спасения в доме генеральши Глебовой-Стрешневой на Никитской улице, когда дом загорелся - в другом доме той же генеральши на Дмитровке, затем в ее же доме в Каретном ряду, когда загорелся и этот дом, искали убежище на Пресненских огородах, но там начались грабежи и убийства. Тогда Соколов и Гратинский снова отправились в погреба и подвалы дома, сгоревшего на Никитской улице. Здесь Гратинскому пришлось пережить сильнейшее потрясение: «Тут отняты у меня часы, бумажник с 600 руб., аттестат на получение фуража. Святотатственную рукою сорван был крест, всемиростивейше государем императором пожалованный, сорвали и святую дарохранительницу всегда носимую мною на ленте. Невозможно изобразить состояния моего, в коем находился я, взирая на поругание святыни». Помог Гратинскому неприятель, который проходил мимо, он отнял крест и дарохранительницу у мародеров и отдал обратно Гратинскому¹².

Грабежи и насилия в тот период были в Москве обычным делом. Например, И. Кичеев вспоминал: «Часу в четвертом, после обеда, дядя наш по тетке Александр Николаевич Лушихин (вступивший было в Московское ополчение, но оставшийся по каким-то обстоятельствам с нами в Москве), поехал верхом к Драгомиловскому мосту поразведать, что там делается... И французы... отняли у него лошадь, часы и эполеты»¹³. Рязанов вспоминает, что произошло, когда французы встретили толпу московских погорельцев: детей, мужчин и женщин: «Грабители разрывали узлы, отыскивали драгоценности, и разбрасывали остальное; с мужчин снимали одежду и сапоги, в которых сами нуждались обносившись; с голов женщин срывали платки и шали, со злобою сдергивали и срывали платья, вытаскивали из карманов часы, табакерки, золотые и серебряные монеты, вырывали из ушей серьги и снимали с пальцев кольца и перстни»¹⁴. Или вот воспоминание иностранца Лекуанта де Лаво: «Один военный повстречал француженку, спасавшуюся от грабежа своих соотечественников. Вежливыми словами, свидетельствовавшими об его образовании, он предложил ей свою защиту и, сопровождая ее, вызвался нести ее шубу, чтобы она не утомилась. Она отказывалась из вежливости, он настаивал, и когда она передала ему свою шубу, единственное достояние, которое удалось ей спасти от огня, он убежал, смеясь над ее легковерием и доверчивостью»¹⁵. Словом, М. Гратинский подвергался тем же преследованиям и притеснениям, что и мирные жители, волею судеб оставшиеся в захваченной французами Москве.

Гратинскому снова помог случай. Французский генерал Ж.Л. Гросс приказал отвести погорельцев во двор дома Лобанова, где сам квартировал, выделил Гратинскому особый покой, также ему был возвращен образ святителя Николая в серебряной позолоченной ризе. В этом доме люди прожили до 13 сентября. Недостаток пропитания заставил их искать другое место. Коллежский регистратор Соколов «нашел свободный от французов дом на Мясницкой улице, куда с позволения генерала отвел и других 200 человек»¹⁶, т.е. и Гратинский, и Соколов, и другие их спутники могли свободно перемещаться по Москве, как в поисках пищи, так и другого жилья.

Теперь обратимся к воспоминаниям В. Перовского о пребывании во французском плену. В частности, он записал: «Унтер-офицер, коему поручено было отвезти меня в депо пленных, пользуясь обычаем, принятым в таких случаях, взял у меня саблю и несколько бывших со мною червонцев. Депо было на Девичьем поле, в недостроенном деревянном доме, окруженном часовыми... В небольшой комнате того деревянного дома собрали французы разного звания людей; в числе их не было ни одного военного; большая часть были служащие в разных присутственных местах столицы»¹⁷. Пленным по утрам раздавали хлеб, большей частью держали взаперти. Только дважды в сопровождении конвойных пленные ходили за говядиной¹⁸.

«На одиннадцатый или двенадцатый день нашего заточения, вошел к нам французский пехотный офицер, и объявил, что ему поручено на другой день вести нас в Смоленск, и чтобы мы рано поутру были готовы к походу. Предупреждение почти лишнее: нам готовиться к походу было нечего. Платье, которое было на нас, было единственным нашим имуществом, но выступлению из Москвы почти все мы были рады. Всякая перемена в положении нашем казалась улучшением.

В тот же день ввечеру, пришел опять офицер для составления нам списка по чинам: все штатские чиновники внесены были в список соответствующими военными чинами, а потому и сделался я, прапорщик, младшим из всего общества»¹⁹.

М. Гратинский 15 сентября 1812 г., в день коронации государя императора Александра Павловича, совершил богослужение в уцелевшей церкви св. Евпла на Мясницкой улице. Причем военный

комендант Москвы генерал Ж.Б. Мийо выдал Гратинскому пропуск и дал караул из двух солдат для безопасного богослужения²⁰. И далее М. Гратинский отправлял службы в этом храме вплоть до возвращения в Москву священника этой церкви.

Ф.И. Корбелецкий вспоминает о богослужении Гратинского 15 сентября и также рассказывает о том, как просил благословения перед тем, как покинуть Москву, и слушал Божественную литургию 24 сентября²¹.

Уже накануне выхода неприятеля из Москвы (16 или 17 октября) в церкви архидьякона Евпла побывал москвич С.А. Маслов. Он писал: «Стечение народа было невероятное, и, кажется, что многие давно так усердно не молились, как в тогдешнее время. Каждый день, как узнал я после, бывало множество причастников, и все русские исповедовались, как бы ежеминутно ожидая смерти»²².

Справедливости ради следует отметить, что не менее полутора десятков священников вели службы в тот период в Москве. В 70-е годы XIX в. А.Н. Попов в работе «Французы в Москве в 1812 году» показал, что служба велась во многих московских монастырях и некоторых церквях (в Новодевичьем, Рождественском, Зачатьевском монастырях, в Спасо-Преображенской церкви на Глинищах, в Троицкой церкви на Хохловке, в Петропавловской церкви на Якиманке, в церкви Голицынской больницы)²³.

Характерно, что, например, А. Рязанцев, вспоминая о богослужении в церкви Петра и Павла на Якиманской улице, отмечает, что «у растворенных дверей храма, по сторонам стояли двое неприятельских часовых с ружьями, которые беспрепятственно пропускали русских внутрь храма» (как и в случае с Гратинским)²⁴. А.Н. Попов высказал мнение, что это «русские члены муниципального управления, учрежденного в Москве. способствовали открытию богослужения в наших храмах, в чем оказывали им содействие и некоторые из французских начальников»²⁵. Однако один из членов муниципалитета Г.Н. Кольчугин в своих воспоминаниях указывает: «Мне с некоторыми из членов назначено восстановить в церквях богослужение», но далее он пишет, что «в данном вопросе не преуспел»²⁶. А. Рязанцев вспоминает, что распространялись прокламации, в которых было написано, что «русскому духовенству дозволяется на обыкновенных церковных правилах отправлять Богослужение»²⁷. А.И. Михайловский-Данилевский опубликовал воззвание к московским жителям от имени муниципалитета, в котором указывается, что «некоторые церкви разного исповедания открыты, и в них беспрепятственно отправляется божественная служба»²⁸. Московский немец врач А.В. Нордгоф утверждал в своих воспоминаниях, что французы помогали в организации богослужений в русских церквях²⁹. Да и тот факт, что в церквях службы проходили под охраной французских солдат, наводит на мысль, что французы не только не препятствовали проведению служб, но, возможно, и прикладывали определенные усилия в организации богослужений. Историк А.И. Попов в своей книге «Великая армия в России. Погоня за миражем» указывает, что на это было специальное распоряжение Наполеона³⁰.

Судьба русских военнопленных была иная. Вот что пишет В. Перовский: «16-го или 17-го сентября, на рассвете. сделали переключку и раздали хлеба каждому фунта по три, сказав прежде в предосторожность, что так как неизвестно, где и когда раздадут нам опять хлеб, то чтобы мы его берегли. Тотчас по выходе из Москвы, которую покинул я с чувством прискорбия и сожаления, хотя некоторым образом и рад был из нее удалиться, за заставой дожидалась нас колонна пленных солдат с сильным конвоем. Утешительно и вместе больно было встретиться с воинами нашими. Вся колонна состояла слишком из тысячи человек, но и тут, как между офицерами не все были военные и понапрасну делили с нами горькую участь. В солдатской колонне много было купцов и крестьян. Французы, ссылаясь на их бороды, уверяли меня, что это казаки. Тут были и дворовые люди, и даже лакеи в ливреях, которые, по мнению провожающих нас, были также переодетыми солдатами»³¹. Словом, те, кого французы считали действительно опасными, были взяты в плен, а затем отправлены из Москвы в Смоленск. Известно, что первые колонны военнопленных вышли из Москвы под конвоем вестфальцев 7(19), 15 (27) и 17(29) сентября. Военнопленные питались мясом павших лошадей, на ночь их запирали в церквях и монастырях, сотни военнопленных гибли от голода, холода и болезней. Последняя колонна из 1200 человек вышла из Москвы 6 (18) октября³², тогда был отдан жестокий приказ беспощадно убивать всякого, кто будет отставать по усталости или по истощению сил от своих товарищей³³.

Анализируя рапорт М. Гратинского, узнаем, что он оставался в Москве вплоть до прихода казаков. Иначе говоря, обстоятельства жизни военнопленного В. Перовского и других военнопленных разительно отличались от обстоятельств жизни в захваченной французами Москве М. Гратинского. Единственно, что некоторые из авторов мемуаров считали, что раз Москва в плену у французов, то и жители древней столицы такие же пленники. Действительно, людям, оставшимся в Москве, занятой французами, многое пришлось пережить и перенести, и деяния М. Гратинского - образец служения

Богу и Отечеству, но считать протоиерея М. Гратинского военнопленным не представляется возможным.

Несколько слов о том, как сложилась далее судьба М. Гратинского. По прибытии русских войск в Москву Гратинский просил генерала Бенкендорфа отправить его в полк, но тот за неимением денег отказал и советовал просить об этом военного генерал-губернатора графа Ростопчина. Гратинский дожидаясь Ростопчина в разоренной Москве, потом давал объяснения, и только «через 25 дней получил подорожную и прогоны»³⁴.

После приезда в Петербург отец Михаил некоторое время хворал от ран. Но уже 5 декабря составил рапорт обер-священнику армии и флота И.С. Державину. Отцу Михаилу за его верность долгу службы были прощены 50 руб., взятые им из церковных сумм, а 600 руб., отнятые у него неприятелем, возвращены казной³⁵.

30 декабря 1812 г. отца Михаила пожаловали крестом, украшенным драгоценными камнями из Кабинета Его Величества³⁶. Гратинский не забыл заботившегося о нем (и о многих других жителях разоренной Москвы) коллежского регистратора Соколова, бывшего при Московском губернском правлении, и просил наградить его. Соколов, отправляясь в Петербурге по своим делам, провозжал больного отца Михаила.

28 февраля 1813 г. обер-священник армии и флота И.С. Державин писал А.Н. Голицыну: «Кавалергардского полка протоиерей Михаил Гратинский, хотя недавно еще удостоен награждения Высочайше пожалованного ему наперсного креста, осыпанного драгоценными камнями и денежного пособия, но сия милость оказана ему единственно за пребывание его в Москве в числе пленных, терпение там нужды и лишения его в то время неприятелями имущества, а по сему я и полагаю, что Гратинский так как и лейб-гвардии Литовского полка священник Василий Адрианов, яко рекомендованные за особенные подвиги при сражениях, а паче при Бородинском, оказанные заслуживают милостивого воззрения и право на отличие их знаками Св. Анны 2-го класса»³⁷.

3 марта³⁸ 1813 г. отец Гратинский присоединился к полку, находившемуся в Германии, и «через Шлезию, Пруссию, Богемию, где 18 августа находился при действительном сражении при Кульме, потом через Саксонию, владение Веймарское, Виртенбергское, Баварское до Рейна»³⁹ проследовал.

Потом через Рейн попал в пределы Франции, «где 13 марта при местечке Фершампенуазе был при действительном сражении»⁴⁰. Полк понес жестокие потери. В сражении под Фершампенуазом был смертельно ранен полковой квартирмейстер А.И. Шепелев при последней атаке кавалергардов, решившей исход дела. К вечеру того же дня (13 марта 1814 г.) он скончался в селе Коннантрэ. На другой день полковой священник отец Гратинский похоронил Шепелева близ наружной ограды кладбищенской церкви деревни Коннантрэ. «Зрелище было трогательное, - свидетельствовал Н.Н. Муравьев, - потому что все любили его в полку»⁴¹. За сражение при Фершампенуазе М. Гратинский был награжден алмазными знаками ордена Св. Анны 2-й степени «за усердное выполнение во все время нынешней войны христианского обряда на месте сражения над умирающими и тяжелоранеными»⁴². 19 марта отец Михаил вступил с полком в Париж и с полком же по окончании кампании прошел обратно Европу.

Во всю эту кампанию протоиерей Гратинский неотлучно был с полком. По свидетельству Н.И. Деллерадовича, отец Михаил в пылу сражения исповедовал и причащал тяжело раненных, ободрял и поддерживал солдат. Таков был достойный священник, очевидец боевой службы кавалергардов на полях Аустерлица, Бородина, Кульма, Фершампенуаза и у стен Парижа.

С 1815 г. отец Михаил Гратинский состоял благочинным церковью Гвардейского корпуса. В 1817 г. он был награжден денежной наградой в 1000 руб., в 1818 г. - наперсным крестом на Владимирской ленте в память войны 1812 года и денежной наградой в 500 руб.

За долговременную службу в сане протоиерея и 20-летнюю службу в Кавалергардском полку, а также за ревностное исполнение своих обязанностей как в походах, так и в мирное время по представлению князя А.Н. Голицына и на основании ходатайства Деллерадовича, ему была назначена в 1821 г. пожизненная пенсия 300 руб. в год. В тот же год протоиерея Гратинского перевели в придворный собор Зимнего дворца⁴³.

Прибыв в Петербург, отец Гратинский обратился к князю А.Н. Голицыну с просьбой об исходатайствовании ему всемилостивейшего пособия на уплату долга, «простирающегося до 2500 руб., в который он вовлечен издержками на воспитание своих детей, на приданное дочерям, выданным в замужество, и на долговременное лечение одного сына»⁴⁴. Просьба его была удовлетворена.

При соборе Зимнего дворца отец Михаил прослужил шесть с половиною лет, причем в 1823 г. был награжден палицею, а в 1826 г. находился в Москве во время коронации императора Николая I.

Протоиерей М.А. Гратинский скончался от водянки 17 июля 1828 г. в возрасте 57 лет и 8 месяцев и был похоронен на Смоленском кладбище⁴⁵. После смерти его остались жена его, Марья Степановна

(фамилия неизвестна), 52 лет и сын Иван 22 лет, о котором в послужном списке отца Гратинского значилось, что он обучался в «Московской Медико-Хирургической академии студентом волонтером, на содержании родителя». Вдове его было выдано из Кабинета 300 руб. на похороны мужа и 905 руб. за возвращенный в Кабинет наперсный крест с бриллиантовыми украшениями, пожалованный в 1812 г. Также назначена пенсия 600 руб. в год⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 74. Л. 25-26.
- ²Рапорт кавалергардского полка протоиерея Гратинского обер-священнику армии и флота от 5 декабря 1812 года // Рус. архив. 1866. № 5. Стб. 731-735.
- ³*Кичеев И.* Воспоминания о бытности неприятеля в Москве в 1812 году. М., 1856; Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862; *Корбелецкий Ф.И.* Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной, описанное с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким, с присовокуплением собственного его странствования. СПб., 1813; *Кольчугин Г.Н.* Записка о 1812 годе // Рус. архив. 1879. № 9. С. 45-60.; *Бестужев-Рюмин А.Д.* Краткое описание происшествий в Москве в 1812 году // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1859. Кн. 2: Смесь. С. 65-89; *Histoire de la destruction de Moscou, en 1812 / Par A.F. de V ch. P., 1822; Волконский П.А.* У французов в московском плену // Рус. архив. 1905. Кн. 3, №11; *Д'Изарн Ф.* Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 г. // Рус. архив. 1869. № 9; *Маслов С.А.* Путешествие в Москву во время пребывания в оной французов // Пожар Москвы / Сост. Г. Балицкий. М., 2001; Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского// Рус. архив. 1865. № 1.
- ⁴По-видимому, в ноябре 1770 г., так как в «Петербургском некрополе» указано, что М. А. Гратинский умер 17 июля 1828 г. в возрасте 57 лет и 8 месяцев.
- ⁵РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 74. Л. 26.
- ⁶Сборник биографий кавалергардов. Т. 4: 1826-1908 / Под ред. Панчулидзева. СПб., 1908. С. 387.
- ⁷РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св.0. Д. 74. Л. 25-26.
- ⁸Цвиркун В.И. Подвиги духовенства в Отечественной войне 1812 года // <http://www.pobeda.ru>
- ⁹Рапорт кавалергардского полка протоиерея Гратинского... Стб. 732.
- ¹⁰РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 74. Л. 26.
- ¹¹В Сборнике биографий кавалергардов указывается иная дата - 23 мая, но поскольку в послужном списке говорится, что Гратинский был с полком «в Шлезии», а русские войска были в Шлезвиге в марте 1813 г., то дата 3 марта представляется более достоверной.
- ¹²Рапорт кавалергардского полка протоиерея Гратинского. Стб. 733.
- ¹³*Кичеев И.* Указ. соч. С. 7, 8.
- ¹⁴Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. С. 77.
- ¹⁵*Попов А.Н.* Французы в Москве в 1812 году. М., 1876. С. 141.
- ¹⁶Рапорт кавалергардского полка протоиерея Гратинского. Стб. 734.
- ¹⁷Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского. Стб. 272-273.
- ¹⁸Там же. Стб. 273.
- ¹⁹Там же. Стб. 274.
- ²⁰Рапорт кавалергардского полка протоиерея Гратинского. Стб. 734
- ²¹*Корбелецкий Ф.И.* Указ. соч. С. 57-58.
- ²²Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 17-18.
- ²³*Попов А.Н.* Указ. соч. С. 144-147, 185. Наиболее полный на сегодняшний день список священников, проводивших службы в захваченной французами Москве, см.: *Мельникова Л.В.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 112-113, 148-149; 379. Прим. 150.
- ²⁴Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. С. 199.
- ²⁵*Попов А.Н.* Указ. соч. С. 144.
- ²⁶*Кольчугин Г.Н.* Указ. соч. С. 50. Согласно документам, хранящимся в ОПИ ГИМ (Ф. 160. Ед. хр. 287. Л. 127), надзор за госпиталями «и попечение, чтобы Богослужению было уважение» осуществляли товарищ головы П.И. Коробов, помощники Г.Н. Кольчугин, И. Кульман, И.К. Козлов (документ был любезно предоставлен В. Н. Земцовым).
- ²⁷Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. С. 62
- ²⁸*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 330.
- ²⁹*Histoire de la destruction de Moscou, en 1812. P. 55-56.* Воспоминания А. В. Нордгофа, изданные в Париже, были написаны под псевдонимом А.Ф. de В. ch, на что любезно указали А. И. Попов и В.Н. Земцов.
- ³⁰*Попов А.И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 185.

- ³¹Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского. Стб. 275.
- ³²Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 139.
- ³³Попов А.Н. Указ. соч. С. 159; Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского. Стб. 275; Попов А.И. Военнопленные русские // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 139; Попов А.И. Судьба русских военнопленных в 1812 г. // Ист. исследования. Вып. 2. Самара, 1998. С. 27-41; Русские военнопленные в 1812 г // Император. 2002. № 3. С. 7-12, № 4. С. 42-48.
- ³⁴Рапорт кавалергардского полка протоиерея Гратинского... Стб. 735.
- ³⁵Сборник биографий кавалергардов. Т. 4. С. 389; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 74. Л. 25-26.
- ³⁶Сборник биографий кавалергардов. Т. 4. С. 389.
- ³⁷Цвиркун В.И. Указ. соч.; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 74. Л. 25-26.
- ³⁸По другим данным - 23 мая.
- ³⁹РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 74. Л. 26.
- ⁴⁰Там же. Л. 26.
- ⁴¹Сборник биографий кавалергардов. Т. 3: 1801-1825. М., 1901. С. 245.
- ⁴²РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 74. Л. 41об.
- ⁴³Сборник биографий кавалергардов. Т. 4. С. 390.
- ⁴⁴Согласно послужному списку 1814 г, у него были дети: сын Иван 9 лет и дочери Надежда 17-ти, Елизавета 11-ти, София 2 лет. В «Сборнике биографий кавалергардов» указывается: «В 1800 г у Гратинского показаны дети: Николай (8 л.), Александр (7 л.) и Надежда (4 л.)». Возможно, что старшие дети Николай и Александр умерли до 1814 г.
- ⁴⁵Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. I. С. 667.
- ⁴⁶Сборник биографий кавалергардов. Т. 4. С. 390.